Внутри южного двора фонари горели слабо, из-за чего Линсю было трудно ясно видеть узоры. Она прищурилась и тщательно вышивала узор на платье.

Неподалеку стояли две старые девы, щелкающие семена дыни и перешептывающиеся.

«Наша госпожа была чрезвычайно добра к Четвертой Мисс. Они даже не являются кровными родственниками, но она дала ей такие изысканные материалы. Она не боится затмить Вторую Мисс в резиденции Цзян».

«Неудивительно, что она может быть хозяйкой. Наша госпожа действительно сострадательна. Но, по моему мнению, даже если Четвертая Мисс носит такую одежду, она все равно не может сравниться с ослепительной Второй Мисс. Одна - законная дочь главной жены, образованная и разумная. Другая была сумасшедшей три года, а теперь, когда она пришла в себя, ей все еще не хватает манер. Было бы достаточно хорошо, если бы она не позорилась.

«Это разумный аргумент! Ты еще не видела Четвертую Мисс сегодня. У нее нет манер перед Его Высочеством. Как ее можно считать благородной девушкой?»

"Ты права. Семья Цзян – это семья манер. Заслуживает ли их Четвертая Мисс?»

«Никак нет!» Кто-то сзади весело ответил.

Ли Мама, раскалывающая семечки, с улыбкой обернулась, намереваясь похвалить человека за проницательность. Однако, когда она увидела лицо человека, она была так поражена, что выронила семена из рук.

«Четвертая… Четвертая мисс?»

Ли Хуайюй ухмыльнулась и поймала несколько упавших семян дыни, хрустнув ими во рту. Она моргнула и сказала: «Почему ты паникуешь? Все, что ты сказала, правда, ах».

Две служанки были ошеломлены и в шоке уставились на нее. Они наблюдали, как она шла к Линсю, все еще щелкая семена дыни, и опустила голову, чтобы спросить: «Что ты делаешь?»

Как только она услышала голос своей госпожи, Линсю наконец подняла голову и выдавила улыбку, более уродливую, чем плач. Она ответила: «Я помогаю вам закончить платье, мисс».

Взглянув на предмет в ее руке, я поняла, что это была мантия с простой и ничем не украшенной шелковой поверхностью. Чтобы такая мантия хорошо выглядела, потребуется большое количество замысловатых узоров; в противном случае она была бы непригодна для ношения. Кусок, который Линсю держала в руке, был размером всего с ладонь. Если бы она вышила все это, даже если бы не ела и не пила, то это заняло бы минимум полмесяца.

Прищурив глаза, Хуайюй спросила: «Ты дурочка? Ты действительно думаешь, что сможешь закончить это вышивать?»

Подвигая затекшей шеей, Линсю подняла платье, чтобы показать ей. «Посмотрите, эта ткань превосходна!»

«Даже если она превосходна, ты не сможешь её вышить, а я не смогу её носить. Если у тебя есть время, почему бы не перекусить и не отдохнуть?»

Линсю была ошеломлена и несколько растеряна. «Но… но у вас нет другой одежды. Банкет по случаю дня рождения в резиденции Цзян очень важен, особенно для вас. Если вам не удастся изменить прежнее впечатление людей о вас, это отразится на браке…»

Она действительно была беспокойной служанкой, какой бы глупой она ни была, но все равно очаровательной.

Хуайюй улыбнулась и потянулась, чтобы поднять ее, потирая затылок. «Если ты настаиваешь на вышивании, я не стану тебя останавливать. Вернись в нашу комнату и вышивай там. Однако сейчас уже довольно поздно. Твоя юная госпожа голодает, а ты об этом не заботишься?»

Услышав это, Линсю наконец вспомнила о еде, и ее личико мгновенно побледнело.

«Я… я забыла!»

«Теперь еще не поздно вспомнить. Пойдем»Хуайюй взяла стоящую рядом корзину с иголками и нитками.

«Четвертая Мисс!» Две горничные, наконец, вернулись к реальности и поспешно приблизились. «Госпожа сказала, что лучше всего вышивать платье здесь. Если оно где-то испачкается или запылится, это будет нехорошо».

Хуайю улыбнулась им. «Это платье предназначено для меня. Если я не боюсь, то почему вы должны бояться?»

Две служанки на мгновение потеряли дар речи, и Хуайюй не стала с ними спорить. Она потянула Линсю за собой и ушла.

"Где кухня?" — спросила она, пока они шли.

Линсю прошептала: «Правила в особняке строгие. Дверь кухни заперта после девятого часа, и мы не можем войти».

«Об остальном не беспокойся, просто покажи мне дорогу», — уверенно ответила Хуайюй.

И вот, не успела сгореть ароматической палочки, как Линсю обнаружила, что держит в руках четыре приготовленные на пару булочки и половину жареной курицы и с недоверием смотрит на человека, идущего впереди нее.

«Мисс… вы… вы воруете!»

Не только ворует, но и лазит по стенам и перелезает через окна. Если бы хозяин узнал, он наверняка забил бы ее до смерти!

Откусывая приготовленную на пару булочку, Ли Хуайюй пробормотала с набитым ртом: «Если ты не скажешь, и я не скажу, кто узнает?»

«Но… но…» рот Линсю широко открылся от шока.

Как могла юная госпожа так себя вести? Даже в самые моменты приступов глупости она болтала и разбрасывала вещи. Теперь она выглядела нормальной, но поведение ее было еще более беззаботным и несдержанным, чем раньше.

Она как будто стала другим человеком.

Остановившись как вкопанная, Хуайюй протянула руку и взяла приготовленную на пару булочку из рук Линсю и с улыбкой засунула ее в рот. Затем она сказала: «Слушай внимательно. Твоя юная госпожа внезапно получила откровение о мире и поняла, что в жизни не нужно сковывать себя пустой славой. Когда наши желудки голодны, мы едим то, что имеем. Давай не будем останавливаться на других вещах, понимаешь?»

Линсю моргнула слезящимися глазами, ее рот был набит приготовленной на пару булочкой, и она не могла говорить.

Хуайюй ласково погладила ее по голове. «Хорошо, что ты понимаешь».

Нет, она вообще ничего не поняла! Линсю покачала головой. Она понятия не имела, что происходит! В резиденции Бай были строгие правила, и все жили честной жизнью. Как юной мисс пришли в голову такие высказывания?

http://tl.rulate.ru/book/106841/4115172